

Б. К. ЗАЙЦЕВ

Данте и его поэма

На *via Данте* во Флоренции есть дом, узенький и высокий, из грубого камня, сжатый соседними, более новыми домами. Он трехэтажный, не считая низа, где как будто была лавка или склад. Темноватая лестница ведет наверх — там две-три комнаты с простой обстановкой — деревянные столы, резные тяжелые стулья, окна с полуоколами вверху, в стеклянных кругляшках, по-старинному; через них идет свет, но рассмотреть что-либо на улице трудно.

Считается, что здесь родился Данте. Установлено это не вполне твердо, но если и не в этом доме, то в подобном, где-нибудь очень близко (во всяком случае — в этом же квартале), появился на свет в 1265 году Данте Алигиери Флорентинец, и какая-нибудь гвельфская, или гибеллинская башня, наподобие *torre della Castagna**¹, подымалась на другой стороне, отнимая свет у комнат. Да и переулок не широк: если спесивый мессер едет верхом, широко расставив ноги в длинных шпорах, то встречному надо прижиматься к стенке иначе заденет. Флоренция тогда мало походила на теперешнюю: вся в башнях, темноватая, наверно с запахами, вечно кипевшая враждой; вечно баррикадировались в своих домах-башнях гвельфы и гибеллины, черные и белые, и при случае резали друг друга; временами бывали огромные пожары; а по вечерам черно и пусто становилось в улицах. Коммуна только что зарождалась. Жизнь еще груба, во многом первобытна. Люди ходят в шерстяных простых одеждах, с откидными капюшонами.

* Сторожевой вышки Кастанья (*ит.*).

Существует гетто. Евреев хоронят за городом, как зачумленных. Служительницы Афродиты носят колпаки с колокольчиками, чтобы отличаться от честных женщин. Все еще впереди: блеск, великолепиие, литература, гуманизм, великая живопись, великая скульптура. Лишь природа та же: наверно, с кампаниллы S. Maria Novella или со стен Palazzo Vecchio² такой же вид открывался на холмы Тосканы, на извив Арно, так же мягок, приветлив, прозрачен был голубоватый пейзаж: голубоокая душа страны. И как теперь, весенний ветер приносил запах фиалок.

В этом городе возростал мальчик Данте. Со времен очень древних — от Боккаччио идет весть о соседях семьи Алигиери — Портинари. Имя Беатриче Портинари, первой, полудетской и мечтательной любви Данте, возведенной затем в сан Мудрости Божественной, обошло мир. «Я скажу о ней то, чего не было сказано еще ни о ком», — обещал Данте в конце юношеского своего творения «Vita nuova». И действительно — в «Божественной Комедии» сказал. Что же касается девушки Беатриче, рано вышедшей замуж и рано умершей, то ее краткая жизнь, кроме великой славы, вызвала и великие сомнения у потомства. Ушедший XIX век особенно старался подкопаться под нее. Главный предмет спора был тот: да о ней ли именно говорит Данте? Воспевае ли действительный свой роман, или пользуется именем Беатриче условно, имея в виду вообще какую-то дату. Спор этот незакончен. Все же можно, хоть приблизительно, определить исход его так: отождествление Беатриче литературной с Беатриче соседкой, которую мальчик Данте впервые увидал в церкви³, нельзя твердо обосновать. Однако отрицать, что любовная поэзия «Vita nuova» шла из жизненного источника, тоже нельзя. Действительность и вымысел так слиты, что делить их теперь невозможно. Д'Анкаона сказал: «Действительная жизнь Беатриче приобрела второе, таинственное бытие в и воображении поэта». Думаю, этот д'Анкаона прав. Вряд ли повесть любви записана точно, и наверно, сюда вошло много от литературы того времени (Гвиничелли, Гвидо Кавальканти, провансальские трубадуры)⁴; все же явственно тонкое, духовное опьянение Любовью, все же присутствует Аморе не условный, и выдуманный, а живой — лишь в одеждах эпохи. Данте был человек острых, сложных и сильных чувств — в те годы любовный мечтатель и мистик, со скрытно-огненным темпераментом; никак не видишь в нем сухого схоласта, сочиняющего по схемам. Нет в нем еще и черт суровости, гневности, означившихся позднее.

«Vita nuova» (Новая жизнь, как бы новое рождение в любви) — ряд сонетов, канцон, баллады, с прозаическим сопровождением. Есть мнение, что стихи написаны между 1282–1292 годами. (когда умерла Беатриче), прозаический же комментарий позже, около 1300 года. Предмет произведения — любовь — возвышенная, патетическая, протекающая в сновидениях, восхваления Мадонны Беатриче и оплакивание ее смерти.

Как бы ни спорили о портрете Данте, сохранившемся на фреске во Флорентинском Барджелло, сколь ни основательно мнение, что во времена Джотто не было еще реалистических портретов, а с другой стороны, данный портрет подправлен в прошлом столетии — все-таки Данте времен «Vita nuova» представляешь себе именно таким, как изображен он: юношей с тонким, острым и очаровательным профилем, юношей готическим, с сосредоточенным, задумчивым, почти печальным взглядом, скромным, уединенным и уже горделивым. Есть и подземные стихии в нем, но они еще не выбились наружу.

Мы очень мало знаем, как он жил в это время. По собственным его признаниям — много читал, учился, но был самоучкою. Несомненно, знал по латыни, знал провансальский и старофранцузский язык, занимался риторикой, философией. Греческим вряд ли владел. Читал Боэция, Цицерона, Вергилия. Очень много работал духовно, мы ниже скажем над чем и как. Нельзя, однако, утверждать, что был чужд светского: напротив, были у него и веселые друзья, и дела какие-то веселые, наверно, мимолетные, но жгучие очарования. Их отголоски, хоть и глухие, видят в сонетах Данте к Форезе Донати, приятелю его молодости, и в ответных стихах последнего. Данте женился молодым. Известно, что ко времени изгнания (1302 г.) у него уже было четверо сыновей. Его жену звали Джемма Донати. Он, прославивший Беатриче, не обмолвился ни словом о жене, за всю свою жизнь; когда его изгнали, в странствия она с ним не пошла. Его семейная жизнь для нас — тьма; и может быть, это просто серое, или пустое место.

Мы знаем еще, что он был воином, в 1289 году сражался в рядах флорентийских войск, при Кампальдино, с арентинцами. В том же году присутствовал при занятии пизанской крепости Капроны.

Знаем, что он не был богат, вероятно, происходил из среднего дворянства и обладал познаниями в медицине, быть может, применял их. Между 1293–1300 годами занял 37 000 лир, с поручительством брата своего, Франческо — неизвестно, для каких целей.

6 июля 1295 года голосовал в Совете Ста. 14 декабря принимал участие в выборе Приоров. Между 1297–1300 годами приписался к цеху медиков и аптекарей, а в мае 1299 года был посланником республики в С. Джиминьяно. Тут начинается его общественная, политическая жизнь, нанеся главный удар его существованию, приведшая к изгнанию.

Быть может, если бы с 15 июня по 15 августа 1300 года не состоял Данте приором (один из шести высших магистратов республики), если бы в апреле 1301 года не был ему поручен надзор за городскими постройками, и 14-го числа не высказался он в Совете Ста против папы Бонифация VIII, то иначе повернулась бы его жизнь; может быть, его не выгнали бы из Флоренции, не бродил бы он по Италии нищим поэтом и философом, учителем поэзии и высокомерным приживальщиком. Но тогда, возможно, иной была бы и «Божественная Комедия» — мы не знаем, какой именно. Ибо слишком много гнева, тоски, скорбных раздумий дало ему как изгнание.

Данте пострадал потому, что принадлежал к партии Белых. Эта партия родом из Пистойи, мрачного и озлобленного городка близ Флоренции, который в «Аду» сурово покарал словом своим Данте. Оттуда разделение на Белых и Черных перешло во Флоренцию, вместе с явившимися представителями враждующих родов. Так, что кроме старого деления — гвельфы (сторонники папы) и гибеллины (императора) — явилось новое. Все же Черные ближе стояли к папе, чем Белые. Бонифаций VIII воспользовался этими раздорами, чтобы присоединить Тоскану, как наследие маркграфини Матильды, к владениям церкви. В 1301 году, 1 ноября, Карл Валуа, «миротворец», посланный папою, вступил в город без вооруженной свиты. 5 ноября в S. Maria Novella Синьория (Правительство Республики), на собрании представителей духовных и светских властей обратилась к Карлу Валуа с речью о полномочиях и мире в городе. Он обязался поддерживать общее благоденствие и водворить порядок. Но тотчас после этого вооружил свиту и впустил в город Корсо Донати, вождя Черных, стоявшего с друзьями недалеко за стенами. Синьория (из Белых) пала. Пять дней грабил плебс дома Белых, а власть захватили Черные и Валуа. К Рождеству все вожди Белых бежали, среди них и Данте. А 27 января 1302 года был обнародован декрет об изгнании Данте и его товарищей. Декрет скреплен именем подеста Флоренции — Канте да Габриеле да Губбио — имя это увековечено печальной славой. Данте об-

винялся во взяточничестве, вымогательстве денег, подкупности и т. п. Главным же образом во враждебности папе и принцу Карлу.

Последнее было верно. Если Данте ненавидел, то ненавидеть умел. И Бонифаций, место которому уготовано в «Аду», огненной дыре, головою вниз и с пылающими подошвами, Бонифаций дорого заплатил за несправедливое дело с Данте Алигиери Флорентинцем. 10 марта последовал второй декрет, присоединявший еще десять осужденных. Теперь говорилось определеннее: если кто-либо из них появится на Флорентинской земле, тот будет сожжен живьем. Для величайшего из своих людей, говорит Лоуэлль, флорентинцы не нашли ничего лучшего, как осудить его на смерть: «igne comburatur sic quod moriatur»*. Можно согласиться, что в этом есть «бесконечно-трагическое и высокопоучительное». Изгнанники пробовали возвратиться. Несколько раз добивались они этого с оружием в руках, но безуспешно. В 1302–06 годах были они разбиты при Муджелло. Данте отделился от них; по-видимому, был он против гражданской войны с товарищами же по несчастью разошелся вовсе, и отозвался о них в «Раю» резко.

В 1303 году он находился уже в Вероне, при дворе Бартоломео делла Скала. Началась жизнь, о которой позже скажет он устами предка своего Каччягвиды прославленные слова:

Tu proverai, sì come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e 'l salir per l'altrui scale.
*Par. XVII, 58**.*

В 1304 году Бартоломео умер, и Данте удалился из Вероны. Куда? Считают, ссылаясь на Боккаччио, что в Болонью, знаменитую тогда университетом.

Будто бы он учился там. Будто бы прожил до 1306 года. Но в точности это неизвестно. Твердо установлено его пребывание в Падуе, в 1306 году. Сохранившийся документ говорит, что 27 августа 1306 года Данте был свидетелем при займе 1075 лир в Падуе.

* Жгут огнем, пока не умрет (*лат.*).

** Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Рай, XVII, 58 (ит.). — Пер. М. Лозинского.

В том же году, но позже, он является в Луниджинском Каstellо Виллафранка⁵, у маркиза Маласпина, в качестве посредника при заключении мира между маркизом Франческино и епископом Антонио да Луна. Об этом говорят две грамоты в архивах Сарцаны. По Фратичелли, и сейчас уцелела в середине старого Каstellо башня, называемая башней Данте, а вблизи — дом Данте, где, по-видимому, он останавливался.

В дальнейшем пребывание его в Форли, у Орделаффи, не обосновано. Путешествие в Париж, в 1308–1309 годах весьма возможно. Вероятно также, что он посетил Прованс, на что указывают некоторые места «Комедии». Что он делал в Париже?

Одни считают, что преподавал поэзию и итальянский язык; другие — что сам учился. Краус склоняется к последнему. По его мнению, вряд ли можно было в то время заинтересовать в Париже итальянским языком; а второе — философские и теологические взгляды Данте сильно выросли и окрепли как раз с этого времени. Очень правдоподобно, что именно схоластикой он и занимался там (впрочем, Краус не отрицает возможности и преподавания, — например, риторики). Видеть Данте в средневековом Париже, где знаменитые схоластики читали на rue de la Fouarre⁶ ученикам, сидевшим на соломе, кажется правдоподобным и естественным, это без усилия входит в его биографию — как видим, не менее загадочную, чем его творение. Англичане очень настаивают на его посещении Англии, но это гораздо менее вероятно — дает почву для споров и поддерживается преимущественно англичанами, быть может, по местному патриотизму.

Затем следуют годы, наверно, очень тревожные и острые для Данте, когда Фортуна, о которой говорит он в «Аду»:

Ты можешь теперь видеть, сын, сколь кратко дуновение
Земных благ, даруемых нам Фортуною⁷,

когда она, «вращающая свою сферу», на краткий срок поманила его надеждами на Флоренцию, на возвращение и победу над врагами — и отвернулась окончательно.

27 ноября 1308 года преемником убитого Альбрехта Австрийского был избран граф Генрих Мотцельбургский. Его короновали в Аахене. Он стал королем Генрихом VII. В сентябре 1310 года спустился он в Италию, занял Виченцу, Кремону, долго осаждал и взял, наконец, Брешию. Он стремился в Рим, за короной импе-

ратора из рук папы. Данте в это время был настроен решительно гибеллински и надеялся, с помощью Генриха, вновь увидеть Флоренцию, «приятнейший из всех городов мира». Как и многое в его жизни — его отношения к Генриху неясны. Есть мнения, что он был с ним знаком до 1309 года. Сохранилось письмо его к Генриху от весны 1311 года, где он призывал его к продолжению похода на Рим и упрекал за задержку в Верхней Италии, вместо того, чтобы двинуться на юг и на Флоренцию. Это письмо всеми признавалось за подлинное; но затем стали сомневаться. Если письму верить, то весной 1311 года Данте находился в долине верхнего Арно (sul fonte Sami). По одним — в Порчиано, замке графов Гвиди, по другим в Поппи, у графа Гвидо Сальватико. Также следует из письма, что Генриха VII Данте уже видел. Где? В Асти, Турине, Милане или Генуе. Есть большие основания полагать, что он подстрекал Генриха к походу на Флоренцию, но сам за оружие не взялся; как упоминалось, был он против гражданской войны.

Генрих потому задержался на севере, что должен был обеспечить себе обладание крепостями в тылу (армия его была не весьма сильна). В апреле 1312 года он появляется в Пизе, в мае — в Риме, и 29 июня папа коронует его, наконец, императорской короной. Но в Риме оставаться ему опасно. Вновь он выступает на север (к Пизе), чтобы готовиться к борьбе с Робертом Неаполитанским. В Буонконвенто он заболевает (вероятно, его отравил один доминиканский монах ядовитой остией) и умирает в августе. Во Флоренцию он не попал. Белых, и с ними Данте, в правах не восстановил. Стало ясно, что дело гибеллинов в Италии проиграно. «Итальянская политика Генриха, — говорит Краус, — была, конечно, мечтой, как и представление Данте о всемирной монархии была мечта».

К этому времени Данте не был еще автором «Божественной Комедии». Вопрос о времени ее возникновения имеет свою историю. Раньше считалось, что первые семь песен написаны до изгнания, и первые слова 8-й: «io dico seguitando...»* понимались как продолжение прерванного (которое будто бы было отправлено маркизу Мороелло Маласпина, прочитавшему с восторгом эти песни, настаивая, чтобы Данте продолжал поэму). Ныне принимают, что комедия писалась между 1314–1321 годами, начата не ранее 1314-го, когда умер папа Климент V. Ссылаются на многочисленные указания в ней событий, которые ранее не могли быть

* «Я говорю, продолжая...» (ит). — Пер. Б. Зайцева. — Ред.

автору известны. Да и ход духовного развития поэта говорит за то. Правда, семь лет кажутся малым сроком для такого поэтического дела, приходится, на наш взгляд, допустить, что в эти годы творение писалось; внутренне же вызревало раньше долгими годами, и нет, правда, доказательств, что отдельных песен не существовало (в черновиках) и до этого. Здесь касаемся мы важного и темного дела — вопроса о внутреннем развитии поэта, «истории его души». Как и во всем, касающемся Данте, факты скудны. Строятся лишь догадки. Догадка первая, классическая, принадлежит Витте. По ней выходит, что со смертью Беатриче Данте проявляет к ней неверность. Он увлекается другим. Это другое — не женщина, но Философия. В сочинении своем «Convivio» («Пир») он определенно говорит о философии (и даже одной из целей написания «Convivio» было желание защищаться от упреков в легкомысленной якобы его, любви к женщине. Он утверждает, что любовь эта — к Философии). Аллегорически философия названа здесь *Donna pietosa*⁸ (о ней есть уже и в «*Vita nuova*»).

На время, следовательно, Беатриче как бы вытесняется, меняется этой *Donna pietosa*. Новой властительнице Данте предан. Можно думать, что период неверности довольно долог, несколько лет. По «*Vita nuova*» начинается он чрез год после смерти Беатриче, «Convivio» говорит о тридцати месяцах, течение которых автором владела новая любовь. Именно на то время, по смерти Беатриче и до изгнания, выпадает обостренная духовная работа над философскими и метафизическими вопросами, фаустовское вопрошание об истине. Вначале чувствует он некие обещания, и возможность духовного мира, но оказывается это обманчивым. На пути мирской философии, Боэции и Цицерона, успокоения не найти. «Convivio», натурфилософский и метафизический комментарий к канцонам (осуществлен лишь для трех), написанным в честь *Donna pietosa*, относится к 1306–1308 годам, следовательно, в это время Данте не вернулся еще к Беатриче. Витте считает этот период как бы неким отпадением от веры, церкви и поклонения молодых лет; в своем роде это тоже «темный лес», *selva oscura*, из которого в конце концов спасает Беатриче, символ Теологии. Третий период — время написания «Божественной Комедии», где скромная девочка Беатриче Портинари возведена в сан Божественной Мудрости спасительницы заблудших душ. Здесь поэт вновь возвращается к вере и богочитанию своей молодости, вновь он во власти Беатриче и религии, дающих ему последнее утешение.

Скартаццини также видит три периода в духовном восхождении поэта: первый период — чувства, второй — рада, третий — высшего примирения между ними, в религии. Первый до смерти Беатриче, второй до смерти Генриха VII и крушения земных, политических надежд; третий — до конца дней самого Данте. Нетрудно видеть, что в построениях этих есть схематизм, тезис, антитезис, и синтез; все же главное они, вероятно, выражают. В новейшее время сделал свои добавления Краус. Первый период делит он на раннюю юность, время первых любовных канцон, и юность позднюю, куда входит «*Vita nuova*». Содержание же второго, критического периода, он расширяет; не одни умственные, познавательные борения наполняют *efimj* но и страсти политические, и дань, отданная земной любви. В последнем приходится присоединиться к Краусу, против Скартаццини. И указания древних, и тот облик Данте, какой знаем мы из его творений, говорят внятно, что в этом человеке была горячая кровь, душа любовно-страстная, могучая плоть, очень далекая от безразличия или вялости. Места поэмы, где он касается любви, полны скрытого огня, хоть и написаны человеком немолодым. В конце «Чистилища» Беатриче ясно упрекает его в слабости к женскому (XXXI, 59), и трудно принять, чтобы здесь аллегоризировалась опять лишь философия, под обликом *pargoletta* (собств. — девчонка, юная девушка). Станным, суховато-педантичным кажется мнение Скартаццини, что Данте любил лишь трижды: в ранней юности Беатриче, затем Джемму Донати (свою жену), которую будто бы возвел в символ философии (*Donna pietosa*), и, наконец, просветленную Беатриче. Но Скартаццини вообще упорно подчеркивает в поэте все интеллектуальное, разумное; в его изображении Данте слишком человек головы, а не темперамента, тогда как мощь его состояла именно в слиянии того и другого.

Очень правдоподобен взгляд Крауса и на последнюю часть жизни Данте: смерть Генриха VII и крушение надежд окончательно отвратили его от мирского; взор безраздельно направлен к Вечности, Божеству, откуда и возникает Великая Поэма, где от части к части, от Ада к Чистилищу и Раю больше и больше смолкает земное, уходя в смутный туман сна.

Мы приблизились, наконец, к этому творению, стоящему над человечеством уже шесть веков, полному необычайного очарования, волшебной силы, влекущей новых и новых читателей, поклонников, исследователей, переводчиков, полемистов. О коме-

дии читали с церковных кафедр средневековой Италии и Италии Ренессанса; десятки людей отдавали жизнь на ее комментирование, сменялись целые направления в ее понимании, сотни изданий выходило в свет, сотни переводов на всевозможные языки, тысячи читателей ее читало, для многих, особенно в Италии, эта поэма — нечто вроде Евангелия. Деятнадцатый век — время особенно страстного и горячего ее обсуждения. Прделана громадная работа. Изучены ее истоки, все предшествующее в области писаний визионерных; сличены все образы ее с литературными образами древних; до мелочей изучена историческая, бытовая, географическая, астрономическая и космогоническая сторона произведения, равно философская и геологическая. Написаны книги путешествий по местам, упомянутым в ней. Про так называемые «темные места» комедии нечего и говорить: есть строки, вызвавшие целую литературу. Разработана лингвистика, грамматика, синтаксис, метрика, характеристика метафор и т. д. Есть и статистика: мы знаем, сколько в поэме слов, существительных, глаголов, прилагательных. Кажется, не сосчитаны еще лишь запятые. Литература о Данте столь велика, что в ней чувствует себя «задохнувшимся» сам великий знаток всего дантовского — Скартаццини. И с горечью замечает он, что даже общей дантовской библиографии пока нет, а есть работы по отдельным странам. Следует упомянуть еще, что существуют целые подробнейшие словари к Данте, дантовские энциклопедии, что в Америке, Англии, Германии и Италии есть Общества Данте и специальные журналы, посвященные исключительно ему. Число изданий поэмы в Италии — свыше четырехсот. В одной Германии полных переводов (всех трех частей) — пятнадцать. Неполных же множество. Что же представляет из себя это загадочное произведение?

«Божественная Комедия» есть странствие человеческой души по трем царствам запредельного — Аду, Чистилищу и Раю. С внешней стороны это как бы *itinerarium* флорентийца Данте Алигиери, написанный терцинами. В Аду Вергилий ведет его, любимый и высочайше уважаемый им поэт. Его послала, как проводника и учителя, благосклонная к Данте, восседающая в Небе Беатриче. Поэты видят в Аду муки грешных. Вергилий же сопровождает его и по Чистилищу, таинственной горе искупления, вздымающейся над пустынным и необозримым океаном в полушарии, противоположном нашему. На вершине Чистилища, среди свежих лугов и вечно зеленеющих деревьев, Беатриче, в колес-

нице, запряженной грифами, встречает Данте, принимает его от Вергилия, очищает омовением в Реке забвения и возносится с ним в Рай, в царство света недвижимого. Там видят они блаженство праведных и угодников, там созерцают, наконец, само Божество. Такова схема. Она дает возможность развернуть длинный ряд видений — мрачных, светлых, возвышенных, увидеть горькие муки заблудших, пережить с ними безмерную печаль безнадежности, ту печаль навсегда, о которой говорит последняя строка надписи над воротами Ада:

Оставьте всякую надежду вы, входящие!

В Чистилище можно любоваться таинственными камышами у подножия горы, голубовато-серебристым утром, росой, которой Вергилий омывает лицо Данте, задымленное и обгорелое в Аду; В Чистилище — мистические орлы, загадочные сны, ангелы, снимающие с чела восходящих семь П огненным мечом. Искушение грехов, но уже в воздухе света и надежды. В Чистилище является природа: здесь море, скалы, удивительные луга, дивные деревья. Бледно-зеленоваты, туманно-золотисты краски его.

Грудь дышит — в Аду мы задохались. А еще выше, где безмолвно движутся небесные сферы и восседают блаженные и святые, уже царство эфира, прозрачности и величайшей гармонии. Рай весь прозрачен, как эфирные моря, пронизанные светом. Чинны, просветленны праведники. Их хор, при восхождении к Божеству, образует гигантскую Мистическую Розу.

Существует старинное уподобление: Ад — скульптура, Чистилище — живопись, Рай — музыка. В нем есть правдивость, хотя и относительная. Музыка есть и в Аду, она пронизывает всю поэму, и Рай не лишен зрительного, правда, в образах облегченных, как бы влажно стекленеющих. Мне всегда казалось, что главная художественная сила Комедии, главное ее очарование — само Слово. Говорят, что образы Ада иссечены ярко, до галлюцинации. Потому-де он и лучшая часть поэмы. Это верно лишь отчасти. На мой взгляд, во-первых, Чистилище не уступает, а превосходит Ад обаянием своим, святостью и нежной легкостью очертаний. Как будто бы другая сторона души выступает здесь, может быть, та, что связана с «Vita nuova», с ранними, туманно-мечтательными стихами, с незабываемым тонким профилем юноши Данте. Здесь написано все рукою зрелой, но идет из прежнего, незамутненного источника. — И, во-вторых, по поводу Ада: при всей изобразитель-

ности деталей, в нем также слово, его своеобычность, сама манера произнесения этих удивительных стихов, перевешивает все. Не будем забывать, что в Аду сплошь и рядом не изображаются, а просто называются вещи, люди, идеи. Вспоминая Ад в целом, мы прежде всего вспоминаем не фигуры, людей или положения, написанные художником (как в великом романе, например, драме, трагедии), а самый голос написавшего, замогильно-величественный тон произведения, и его внутренний колорит. Лишь позднее из этой адской симфонии, с местами трагизма, ужаса, с басами и хрипылыми рогами, из гудения подземных потоков и воя смерча выступают Франческа да Римини, Фарината, граф Уголино. Слово и тон Комедии — единственны в мировой литературе. По силе и первоизданности выражения можно их равнять лишь с Библией. Это не отнимает у Данте привкуса личного, того неповторимого, что есть одно из волшебств искусства. Данте говорит очень медленно, и как вески, тяжелы его слова в Аду! с суровой необходимостью идет терцина за терциной, напоминая и самих поэтов, проходивших грандиозный путь свой.

Молча, в одиночестве, без спутников¹¹.

Железная сила в них, и печаль безмерная. Чтобы написать Ад, надо было в «озере своего сердца»¹² собрать острую влагу скорби. Каждая строчка пропитана ею. Написавший — не из тех, кто охает. Он молчалив, замкнут, суров. Лишь когда силы изменят ему, падает он, «подобно мертвому телу»⁹. И в этой цельности нигде (как и в Библии) не встретишь и следа залоченности, середины. Никогда не скажешь: «Ни холоден, ни горяч, но тепел». Все — предельно. Если попробовать рукой, на ощупь, то слова Данте благородно шероховаты, как крупнозернистый мрамор, или позеленевшая, в патине, бронза. Часто он темен, даже и непонятен. Но для него — так и надо. Это его стиль. В нем есть, ведь, оракульское, пифическое. И не однажды скрывает он свою мысль «под покрывалом странных стихов» (Ад, IX, 63).

Средневековью близка была идея аллегорического толкования Св. Писания. Сюда относятся теологи, как Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, к ним примыкает и сам Данте. В «Convivio» он обстоятельно излагает, как Св. Писание должно пониматься в четырех смыслах: 1) буквальном, 2) аллегорическом, 3) моральном и 4) анагогическом. Первый передает прямо заключающееся в словах; второй кроется за покрывалом фабу-

лы; или рассказа («истина, скрытая под прекрасной ложью»). Например, Овидий рассказывает, что Орфей песнями своими приволил в движение животных, камни и деревья — это значит, что человек, силою своего голоса, трогает самые закоснелые сердца. Моральный смысл должны исследовать для своей пользы, и для пользы учеников учителя Св. Писания. Например, если в Евангелии сказано, что Христос удалился для Преображения на гору, и из двенадцати апостолов взял с собой лишь троих, то моральный смысл этого — тот, что для самых тайных дел мы должны допускать лишь немногих свидетелей. Смысл анагогический имеет место в духовном толковании Писания. Если пророк говорит, что при выходе евреев из Египта стала Иудея свободной и святой, то в прямом, буквальном смысле здесь говорится о судьбе еврейского народа, в духовном же о душе грешника, ставшей святой и свободной, сбросив путы греха...

Приведенные выше (Ад, IX, 63) слова суть только частный случай общего взгляда Данте на писание (не только священное). Естественно, что человек, столь точно излагающий теорию символизма, в собственном произведении тоже символист. Письмо к Кану Гранде делла Скала, властителю Вероны и покровителю поэта, говорит о цели и намерениях «Божественной Комедии». Правда, подлинность письма заподозрена. Все же пройти мимо него нельзя; и в дальнейшем я имею его в виду при изложении идейной стороны поэмы.

Ясно для каждого читающего, что «Божественная Комедия» написана не как случайное стихотворение, исшедшее безраздумно, подобно вздоху или улыбке. Постройка строилась не из одной радости строительства: автор и поэт, и пророк, и возвышенный учитель жизни. Очень глубокий жизненный опыт чувствуешь у заблудившегося «на половине пути жизни нашей» в темном лесу, почти отчаявшегося взойти на «прелестный холм», и под водительством Вергилия избирающего иной путь к Истине — чрез Ад, Чистилище и Рай. Конечно, в его личной истории есть поучение. Конечно, с другой стороны, что личная его история может быть отнесена не к нему одному.

Если оставить буквальный смысл Комедии (описание странствия), как ясный непосредственно, то аллегорически можно его определить как историю человеческой души вообще, Человека, блуждавшего по греховной и темной жизни, но с помощью сперва Разума (Вергилия), а затем Божественной Мудрости (Беатриче),

вышедшего на путь истины, и очищающегося зрелищем загробных кар и блаженства. Надо при этом заметить, что здесь роль Разума — благодетельна, а не отрицательна, как у той Философии (*Donna pietosa*) в «Convivio», от которой Данте, по изложенному выше взгляду Витте, перешел к Беатриче и Религии. Относительно цели произведения (морального смысла) — он состоит в указании для человека пути спасения. Это спасение заключается в выходе из леса, в преодолении пороков земной жизни и приобщении к чистоте святых душ. Это — христианский идеал средневековья.

Итак, Данте Алигиери Флорентинец, лично видавший Ад, Чистилище и Рай, отошел, и за его фантастическим странствием («прекрасная ложь») мы усмотрели вековые задачи Души, Человеческого. Быть может, возможно подняться еще на одну ступень. Возможно, что в некоем высшем понимании дан здесь символ жизни всего человечества, его блужданий в потемках идолопоклонства, суеверий, грехов, долгого и трудного пути до христианства, причем Божественная помощь проявлялась сначала в меньших откровениях (Будды, греческой философии), а затем в величайшем — облике самого Христа, подобно Божественной Мудрости (Беатриче) поэмы выведшего путника к спасению.

Таков, в самых беглых чертах, артистический и философский характер произведения. Подчеркиваю: его гармония состоит в вольном, естественном сожительстве непосредственно-художественного с религиозно-философским, политическим, церковным. Все имеет в поэме свою жизнь, не ломая и не стесняя другого. Потому-то разные люди с одинаковым почтением приближались и будут приближаться к ней: поэты, теологи, моралисты, историки средневековья, историки итальянского Ренессанса. Для всех находится здесь интересное и важное.

Добавлю, что комедия (лишь позже получившая титул Божественной) написана по-итальянски, а не на латинском языке — в этом Данте был новатором. Будь он средневековым педантом, подражателем древних, он написал бы гладко и чисто, без красок и воздуха, более или менее «совершенной» латынью — что и делалось в Италии, и в его время, и позже. Данте же пустил в ход весь арсенал языка, и ученого, и разговорного, и простонародного. Рядом с дьяволами, святыми, с загробными чудовищами — длинный ряд живых людей, местностей, пейзажей, гор, озер, обвалов его Италии. Есть местные диалекты. Есть слова, услышанные

в таверне, на улице, меж земледельцами. Италию он знал. Она всегда именуется «прекрасной страной», «чудной страной», и суровому путнику ведома ближайше, в мелочах. Есть в этой стране город, о котором не может он говорить покойно: это Флоренция, дорогое и родное место, лучший город среди городов — и мучительнейший для него. Любовь-ненависть, ненависть-любовь — вот его отношение к Флоренции. Но и правда, если трудно быть изгнанником вообще, то изгнанником Флоренции быть трудно вдвое, вдесятеро — ибо велика тоска человека по Флоренции. И если сейчас улицы города украшены каменными досками с золотыми словами Данте, то не надо забывать, что после первого изгнания (1302 год) Данте не был помилован в 1311 году, когда многие из изгнанников возвратились. Напротив, в 1315 году последовало новое подтверждение приговора: всякому предоставлялось поступить с личностью и имуществом поэта по его желанию (он вне закона).

В случае поимки на флорентийской земле — казнь на площади Синьории.

Площадь эта, за давнее свое существование, видала много видов. Вспомним круглую бронзовую плиту с изображением Савонароллы (в мостовой, около памятника герцогу Козимо), что ею отмечено место гибели Савонароллы.

Кровь Данте потому не пролилась на эти плиты, что все те девятнадцать лет, какие оставалось ему жить с 1302 года, и в которые он обессмертил свое имя, — находился он вне Флоренции. Я указывал уже на его пребывание в Вероне, Падуе. Длинный ряд местностей, замков, монастырей, городов приписывают себе честь принимать его у себя — Пистойя, Сиена, Губбио, Фонтене Авеллана, С. Бенедетто, Поппи, Калабрия, Пола, Сицилия и многие другие. Сведения наши об этом неясны. Один из источников — сама Комедия, где иногда встречаются подробности, говорящие о том, что поэт лично видел то или иное. Нет сомнения, что родную страну, за годы изгнания, выходил он пешком, всю высмотрел и запомнил. Это связано было с родом его скитальческой жизни. Насколько можно себе представить, Данте во вторую половину жизни своей был чем-то вроде учителя и придворного поэта, придворного ученого, вряд ли подолгу уживавшегося при мелких властителях Италии. Это их хлеб был ему горек и их лестницы трудны. Легенда верно, думаю, сохранила его образ; и когда читаешь о горделивых ответах зазнавшемуся, хмельному тирану, то

им веришь, или им подобным. Кажется, в возрасте зрелом Данте и вообще был трудным человеком. Вероятно, изгнание закалило его гордость, от природы великую. Он, конечно, знал, кто он. В четвертой песне «Ада» Гомер, Лукан, Овидий и другие принимают его в свою среду, как равного. И этот равный — в жизни вынужден был питаться подачками, быть забавником, на положении немногим выше шутов и скоморохов. Современники говорят, что он был молчалив, угрюм, надменен. Очень известен рассказ, легендарный, но удачный — о том, как матери пугали детей именем Данте, «спускавшегося в Ад». По Боккаччио, «лицо его было длинно, нос орлиный, глаза скорее велики, чем малы, челюсти большие и нижняя губа выдавалась вперед; цвет лица темный, волосы и борода густые, черные и курчавые, всегда он был задумчив и печален». К старости он несколько сгорбился. Ходил медленно, с достоинством, одет был бедно, но во всем облике его была внушительность. Годы и испытания его согнули. Но сломить такого человека было трудно; и несмотря ни на что, в это именно время доканчивал он свое творение. Есть известие, что некоторые песни Комедии написаны в монастыре Фонте-Авеллана, на суровой и дикой горе Катриа, недалеко от Урбино. В обители сохранилась и келия, где, как будто бы, он жил — вблизи неба, звезд, вечности, питательницы его души.

В 1316 году он поселился, наконец, в Равенне, у Гвидо да Полента, молодого, образованного «синьора Равенны». Здесь, кажется, было ему покойнее. Здесь окончил он дело всей своей жизни — «Божественную Комедию». Он умер в сентябре 1321 года, едва ли не написав последней строчки поэмы. Его похоронили с почетом, но и за могилой для праха его не нашлось успокоения: был момент, когда папский легат собирался сжечь его (за грозную для пап XIX песнь «Ада»), Флоренция пыталась, но безуспешно, вернуть его себе; в XVII веке монахи соседнего с его гробницей монастыря вырыли саркофаг и перенесли к себе, что обнаружилось лишь в 1865 году. Гроб Данте оказался при вскрытии пустым, в монастыре же нашли каменный ящик с надписью: *Ossa di Dante** — там были его кости. Измерения черепа дали неясные результаты. Все же останки были уложены в гроб и водворены в часовне, на старом своем месте. Кто бывал в Равенне, помнит эту огромную часовню, с барельефом Данте ренессансной работы. Она ограждена

* Прах Данте (*ит.*).

решеткой. Неугасаемая лампада краснеет и простирается великое безмолвие Равенны, города-усыпальницы, о котором не напрсно сказал почивший

Ravenna sta, com'e stata molti anni*.

Жизнь Данте была полна волнений, горечи, неудач. «Божественную Комедию» в его дни почти не знали. Тем грандиознее посмертная слава этого задумчивого и уединенного скитальца, вознесшая его на вершины человечества, и осиявшая сказочным величием. Ныне изображается он всегда в лавровом венце. Иногда орел сопутствует ему, — вещий символ. Как полубог, отошел он в страну легенд.

* Такая же Равенна, как и много лет назад (ит).